Станислав Лем

ОДИН-НАДЦАТОЕ ПУТЕ-ШЕСТВИЕ ИЙОНА ТИХОГО

РАССКАЗ

Одиннадцатое путешествие Ийона Тихого

Станислав Лем

Аннотация
Лем Станислав. Одиннадцатое путешествие Ийона Тихого

Аннотация

Много лет назад на одном из торговых кораблей взбунтовался бортовой компьютер. Высадившись на отдаленной планете, он основал там колонию роботов — Карелирию — и начал беспощадную идеологическую борьбу против человечества. Более девяти тысяч агентов отправились на эту планету, но ни один из них не вернулся. Теперь Ийону Тихому предстоит разрешить эту загадку.

В «Путешествии одиннадцатом» с одной стороны пародируются произведения о бунтах роботов и шпионские романы. С другой стороны, описывается общество, где все друг друга подозревают и никто никому не доверяет, стремясь донести на каждого, кто может подать повод. Общество роботов, которые все как один являются людьми, но вынуждены маскироваться под роботов. Продолжение этой истории описано в рассказе «Стиральная трагедия» (цикл «Из воспоминаний Ийона Тихого»), где ситуация противоположная — роботы выдают себя за людей.

Лем Станислав
Одиннадцатое путешествие Ийона Тихого

День обещал быть неважным. Ералаш, царящий дома с тех пор как я отдал камердинера в ремонт, все увеличивался. Я ничего не мог найти. В коллекции метеоритов завелись мыши. Обгрызли самый лучший хондрит. Когда я заваривал кофе, убежало молоко. Этот электрический болван спрятал посудные полотенца вместе с носовыми платками. Надо было отдать его в генеральный ремонт сразу же, как только он начал ваксить мои туфли изнутри. Вместо полотенца пришлось использовать старый парашют, я пошел наверх, смахнул пыль с метеоритов и поставил капканы. Тут я вдруг вспомнил о гренках и сбежал вниз. Конечно, от них остались одни угольки. Я выбросил их в слив. Слив тут же засорился. Я махнул на это рукой и заглянул в почтовый ящик. Он был забит обычной утренней почтой — два приглашения на конгрессы где-то в провинциальных дырах Крабовидной туманности, проспекты, рекламирующие крем для полирования ракет, новый номер "Реактивного путешественника" — ничего интересного. Последним был темный толстый конверт, скрепленный пятью печатями. Я взвесил его в руке и открыл.

"Тайный уполномоченный по делам Ворекалии имеет честь пригласить п. Ийона Тихого на засе-

дание, имеющее быть 16 дня текущего месяца в 17.30 в малом зале Ламбретанума. Вход только по пригласительным билетам после просвечивания. Просим сохранять тайну.

Неразборчивая подпись, печать и вторая печать — красная, наискось:

ДЕЛО КОСМИЧЕСКОЙ ВАЖНОСТИ. СЕКРЕТНО".

"Ну, наконец что-то стоящее", — подумал я. Ворекалия, Ворекалия... Название было мне знакомо, но я никак не мог вспомнить, где я его слышал. Заглянул в Космическую Энциклопедию. Там значились только Вортуляния и Ворсемпилия.

Интересно, подумал я. В "Альманахе" это название тоже не значилось. Несомненно, Тайная Планета. "Это по мне", — пробормотал я и начал одеваться. Шел только десятый час, но нужно ведь было сделать еще поправку на робота. Носки я нашел почти сразу — в холодильнике; казалось, я вот-вот постигну логику действий этого свихнувшегося электронного болвана, и тут вдруг я столкнулся с совершенно необъяснимым фактом — нигде не было брюк. Никаких. В шкафу — сплошные пиджаки. Я переворошил весь дом, даже ракету выпотрошил — безрезультатно. Попутно убедился, что этот бездарный идиот

выпил все масло, что было в погребе. Он, видимо, вылакал его недавно неделю тому назад я пересчитывал банки, и все они были полны доверху. Это меня так разозлило, что я всерьез подумал, не отдать ли его все-таки на слом. Ему, видите ли, не хотелось рано вставать, поэтому вот уже несколько месяцев он затыкал себе наушники воском. Можно было звонить до одурения. Он говорил, что это по рассеянности. Я угрожал вывернуть у него пробки, но он бренчал на это: знал, что я в нем нуждаюсь. Я разделил весь дом на квадраты по системе Пинкертона и принялся за такой обыск, словно искал иголку в стогу сена. В конце концов я обнаружил квитанцию из прачечной. Негодяй отдал все мои брюки в чистку. Но что же произошло с теми, что были на мне накануне? Я никак не мог припомнить. Тем временем подходило время обедать. В холодильник нечего было и заглядывать — кроме носков, там была только почтовая бумага. Меня охватило тихое отчаяние. Пришлось взять из ракеты скафандр, влезть в него и отправиться в. ближайший магазин. Прохожие, правда, оглядывались на меня, зато я купил две пары брюк, черные и серые, вернулся, все еще в скафандре, домой, переоделся и злой как черт поехал в китайский ресторан. Съел,

что подали, запил гнев бутылкой мозельского и, взглянув на часы, убедился, что скоро пять.

Возле Ламбретанума не было ни вертолетов, ни автомобилей, ни даже крохотнейшей ракетки — ничего. "Даже так?" — мелькнуло в голове. Огромным садом, сплошь засаженным георгинами, я прошел к главному входу. Мне долго не открывали. Наконец приоткрылся контрольный глазок, невидимый взгляд обшарил меня, потом дверь отошла ровно настолько, чтобы я мог войти.

— Пан Тихий, — сказал в карманный микрофончик тот, кто мне открыл. Пожалуйте наверх. Дверь налево. Вас уже ждут.

Наверху меня встретила приятная прохлада, я вошел в малый зал — какое избранное общество! Если не считать двух незнакомых мне субъектов за столом президиума, в обтянутых бархатом креслах расположился цвет космографии. Тут же профессор Гаргарраг и его ассистенты. Я поклонился присутствующим и присел сзади. Один из тех, что сидели в президиуме, высокий, с седыми висками, извлек из ящика стола резиновый колокольчик и беззвучно позвонил. "Какие дьявольские предосторожности!"

— Господа ректоры, деканы, профессора, доцен-

ты и ты, уважаемый Ийон Тихий, — заговорил он, — как уполномоченный по сверхтайным вопросам, объявляю специальное заседание, посвященное проблеме Ворекалии, открытым. Слово имеет тайный советник Ксафириус.

В первом ряду поднялся плотный, седой, как молочная пена, плечистый мужчина. Он взошел на сцену, чуть заметно поклонился в сторону зала и начал без всяких вступлений:

— Господа! Около 60 лет назад из йокогамского межпланетного порта вышел грузовой корабль Галактической Компании "Божидар II" под командованием опытного пустотника Астроцента Пеапо. Корабль с грузом всяческой мелочи направлялся на Арекландрию, планету Гаммы Ориона. Последний раз его видели в районе космического маяка вблизи Цербера. Затем след его затерялся. Страховое общество "Securitas Cosmica", сокращенно именуемое "СЕКОС", по истечении года выплатило компании полную стоимость убытков. А какие-нибудь две недели спустя некий радиолюбитель на Новой Гвинее принял следующую радиограмму... — Оратор взял ее стола листок и прочел: — "Каркуляша обешушел шпашиша божиша". Здесь, господа, мне придется остановиться на некоторых дета-

лях, необходимых для понимания дальнейшего. Упомянутый любитель был новичком и вдобавок шепелявил. В силу шепелявости и, по-видимому, неопытности он исказил депешу, которая, по мнению экспертов Галактокода, должна звучать так: "Калькулятор обезумел спасите Божидар". Проанализировав текст, эксперты пришли к выводу, что произошел редчайший случай бунта в полном вакууме — бунта корабельного калькулятора. Поскольку прежние владельцы не могли претендовать на погибший корабль, ибо все права на него и его содержимое перешли к "СЕКОСу", компания попросила агентство Пинкертона, в лице Абстрагазия и Мнемониуса Пинкертонов, произвести соответствующее расследование. В результате следствия, проведенного этими опытными агентами, выяснилось, что Калькулятор "Божидара", некогда модель-люкс, находившийся, однако, к моменту полета уже в преклонном возрасте, долгое время жаловался на одного из членов экипажа. Упомянутый ракетник, некий Симилеон Гиттертон, якобы дразнил его всевозможными способами: уменьшал входное напряжение, тыкал пальцем в лампы, издевался и даже оскорблял, обзывая то ржавой банкой, то проволочной тупицей. Гиттертон отпирался

от всех обвинений, утверждая, что Калькулятор попросту страдает галлюцинациями — что иногда действительно случается с престарелыми электронными мозгами. Впрочем, эту сторону вопроса несколько позже подробно рассмотрит профессор Гаргарраг.

В течение следующих десяти лет корабль найти не удалось. Затем, однако, агенты Пинкертона, не прекращавшие заниматься тайной исчезновения "Божидара", получили сообщение, что у ресторана "Галакс" часто появляется полупомешанный, одряхлевший нищий, который распевает удивительнейшие истории, выдавая себя за Астроцента Пеапо, бывшего командира космолета. Этот невообразимо грязный старик действительно утверждал, что он Астроцент Пеапо, однако, будучи не только не в своем уме, но и частично утратив речь, он мог лишь распевать. Терпеливо выспрашиваемый агентами Пинкертона, он пропел совершенно невероятную историю — будто бы на корабле произошло нечто ужасное, так что ему, выброшенному за борт в одном лишь скафандре на голое тело, пришлось вместе с горстью преданных пустотников возвращаться своим ходом из окрестностей Туманности Андромеды на Землю, и длилось это лет двести;

путешествовал он якобы то на метеорах, летящих в подходящем направлении, то голосуя пилотам попутных ракет; и только малую часть пути прошел на Люмеоне, автоматическом космическом зонде, который летел к Земле с околосветовой скоростью. Этому злосчастному перегону верхом на зонде он, по его словам, и был обязан потерей нормальной речи, зато тогда же благодаря известному явлению сокращения времени при субсветовых скоростях помолодел на много лет.

Таково было содержание рассказа или, вернее, лебединой песни старца. О том, что произошло на "Вожидаре", он даже заикнуться не хотел, — только установив магнитофоны неподалеку от входа в ресторан, где он сидел, агентам удалось записать куплеты, которые напевал себе под нос старый нищий; в некоторых он осыпал ужаснейшими ругательствами Арифмометр, объявивший себя "Архивладыкой Вселенносущия". Исходя из этого, Пинкертон заключил, что депеша была расшифрована правильно, и Калькулятор, обезумев, отделался от всех находившихся на борту людей.

Дальнейшее развитие этот вопрос получил в связи с открытием, сделанным пять лет спустя "Мегастером", космолетом Метагалактического института. Вблизи одной из неисследованных

планет Проциона с "Мегастера" был замечен круживший по орбите заржавленный остов, силуэт которого напоминал погибший "Божидар". В связи с недостатком топлива "Мегастор" не совершил посадку на планете, ограничившись сообщением на Землю. С Земли был выслан патрульный корабль "Дейкрон", который исследовал окрестности Проциона и обнаружил остов космолета. Это действительно были останки "Божидара"; "Дейкрон" сообщил, что остов находится в ужасном состоянии — из него были извлечены машины, переборки, этажные перекрытия, стены, внутренние перегородки, крышки люков — все до последнего винтика, так что вокруг планеты вращалась лишь пустая, выпотрошенная оболочка. В ходе последующих наблюдений, произведенных "Дейкроном", выяснилось, что Калькулятор "Божидара", взбунтовавшись, решил обосноваться на одной из планет Проциона, а все содержимое корабля присвоил, чтобы удобнее там расположиться. В связи с этим в нашем отделе было заведено дело под индексом ВОРЕКАЛИЯ, что расшифровывается так: "Возврат Реликтов Калькулятора".

Калькулятор — это выяснилось из дальнейшего — осел на планете и расплодил огромное

множество роботов, над которыми осуществлял абсолютную власть. Учитывая, что Ворекалия в принципе находится в сфере гравиополитических интересов Проциона и населяющих его мельманлитов, разумная раса которых поддерживает с Землей добрососедские отношения, мы не сочли возможным грубо вмешиваться и некоторое время не обращали внимания на Ворекалию и основанную на ней Калькулятором колонию роботов, носящую в делах нашего отдела шифрованное обозначение "Коробка" Однако "СЕКОС" потребовал возврата своего имущества, считая, что и Калькулятор и все его роботы являются юридической собственностью Страховой Компании В связи с этим мы обратились к мельманлитам; в ответ они указали, что, по имеющимся у них сведениям, Калькулятор создал не колонию, а государство, именуемое его подданными Благородией, а так как мельманлитское правительство, не признавая существования Благородии де-юре и не поддерживая с ней дипломатических отношений, признало чем не менее существование этой общественной формации де-факто, то оно не считает себя вправе вмешиваться в их дела. Некоторое время роботы на планете спокойно размножались, не проявляя какой-либо вредной

агрессивности. Разумеется, наш отдел не счел возможным пустить дело на самотек, считая, что это было бы проявлением легкомыслия, поэтому мы послали на Ворекалию несколько наших людей, предварительно замаскировав их под роботов, поскольку младонационалистические настроения "Коробки" проявлялись в виде неразумной ненависти ко всему человеческому. Пресса Ворекалии неустанно твердит, что мы являемся презренными робототорговцами и беззаконно эксплуатируем невинных роботов. Таким образом, все переговоры, которые мы пытались вести от имени "СЕКОСа" в духе взаимопонимания и равенства, окончились безрезультатно, поскольку даже скромнейшие наши требования — чтобы Калькулятор вернул компании себя и своих роботов — были встречены оскорбительным молчанием.

Господа, — повысил голос оратор, — события, к сожалению, развивались не так, как мы ожидали. Выслав несколько радиограмм, наши люди, посланные на Ворекалию, замолчали. Мы направили других — аналогичная история. Передав первое шифрованное сообщение об удачной высадке, они не подавали больше признаков жизни. С того времени на протяжении девяти

лет мы выслали на Ворекалию общим счетом две тысячи семьсот восемьдесят шесть агентов, и ни один не вернулся и не отозвался. Этим признакам совершенствования контрразведки роботов сопутствовали другие, возможно, еще более тревожные факты. Ворекалийская печать все яростнее нападает на нас в своих выступлениях. Типографии роботов размножают брошюрки и прокламации, предназначенные для земных роботов, изображая в них людей токопийцами и прохвостами, осыпая нас оскорблениями. В официальных выступлениях, например, людей именуют не иначе, как слизняками, а человечество — слизью, в связи с этим мы обращались с меморандумом к правительству Проциона, но оно лишь повторило свое предыдущее заявление о невмешательстве, и все наши попытки указать на пагубные плоды подобной нейтралистской, а по существу, страусиной политики не увенчались успехом. Нам дали лишь понять, что роботы являются продуктом нашего производства, ergo, мы несем всю ответственность за их поведение. С другой стороны, правительство Проциона категорически против любой карательной экспедиции или принудительной экспроприации Калькулятора и его подданных. В возникшей ситуации

мы сочли нужным созвать данное совещание, чтобы раскрыть перед вами всю чреватость нынешнего положения; добавлю, что месяц назад "Электронный курьер", официоз Калькулятора, опубликовал статью, в которой смешал с грязью все эволюционное древо человека и потребовал присоединения Земли к Ворекалии, исходя из того, что роботы-де есть высший этап развития по сравнению с живыми существами. Позвольте мне на этом кончить и предоставить слово профессору Гаргаррагу.

Согбенный бременем лет, знаменитый специалист по электронной психиатрии с трудом взобрался на кафедру.

— Господа, — начал он чуть дрожащим, но еще сильным старческим голосом. — Издавна уже известно, что электронные мозги нужно не только создавать, но и воспитывать. Тяжка доля электронного мозга. Непрерывная работа, сложные вычисления, грубость и бестактные шутки обслуживающего персонала вот на что обречен этот столь деликатный по натуре аппарат. Не удивительно, что дело доходит до душевных надломов, коротких замыканий, зачастую создаваемых с целью самоубийства. Недавно в моей клинике имел место следующий случай. Произо-

шло раздвоение личности — dichofomia profunda psychogenes electrocutiva alternans. Этот мозг сам себе писал любовные письма, в которых называл себя катушечкой, проволочечкой, лампампушечкой, — явное доказательство того, сколь сильно он нуждался в чутком, добросердечном, теплом отношении.

Серия электрошоков и длительный отдых вернули ему здоровье. Или возьмите, например, tremo, electricus frigoris oscillativus. Господа! Электронный мозг не швейная машинка, которой можно гвозди в стенку заколачивать. Это сознательное существо, разбирающееся во всем происходящем, и поэтому порой в минуты космической опасности оно начинает так дрожать вместе со всем кораблем, что людям трудно бывает устоять на палубе.

Некоторым грубым натурам это не нравится. Они доводят мозг до крайности. Электронный мозг относится к нам как нельзя лучше. Однако, господа, сопротивляемость проводов и ламп тоже имеет границы Так, электронный курсопоправочный мозжечок Греноби в приступе острого помешательства провозгласил себя дальним потомком Великой Андромеды и наследственным императором Мурвиклаудрии — и все это исклю-

чительно в результате безмерных преследований со стороны капитана, который оказался отъявленным пьяницей. Лечение в нашем закрытом институте облегчило самочувствие пациента — он успокоился, пришел в себя и сейчас уже находится почти в нормальном состоянии; бывают, конечно, и более тяжелые случаи. Например, один из университетских электронных мозгов, влюбившись в жену профессора математики, из ревности начал перевирать результаты вычислений и этим довел математика до состояния депрессии — тот решил, что не умеет складывать. Однако в оправдание этого мозга следует заметить, что жена математика систематически совращала его, поручая подсчитывать все свои расходы на приобретение самых интимных предметов туалета. Разбираемый нами случай напоминает мне другой, когда на борту "Панкратия" большой электронный мозг замкнулся с другими электронными мозгами корабля и в неудержимом стремлении разрастаться, так называемой электродинамической гигантофилии, опустошил все склады запасных частей, высадил команду на скалистую Мирозену, а сам нырнул в океан Алантропии, провозгласив себя патриархом населяющих ее ящеров. Прежде чем мы прибыли на

эту планету с успокаивающими средствами, он в приступе ярости пережег себе лампы, так как ящеры не желали его слушаться. Правда, и в этом случае оказалось, что второй штурман корабля, известный космический шулер, обыграл несчастный мозг до нитки, пользуясь краплеными картами. Но случай с Калькулятором исключительный, господа. Перед нами явные признаки таких заболеваний, как gigantomania ferrogenes acuta, paranoia misantropica persecutoria, polplasia panelectropsvchica, debilitativa gravissima, как, наконец, necrofilia, thanatofilia и necromantia Господа! Я должен разъяснить вам одно обстоятельство, принципиально важное для понимания этого случая. Корабль "Божидар II" имел на борту не только груз штучных товаров, предназначенных для арматоров Проциона, но и контейнеры ртутно-синтетической памяти, получателем которых был Галактический Университет в Фомальгауте. Контейнеры содержали два вида сведений — из области психопатологии, а также архаической лексикологии. Надо полагать, что в процессе своего разрастания Калькулятор поглотил эти контейнеры. Тем самым он вобрал в себя всю совокупность сведений по таким вопросам, как история Джека Потрошителя и Глумспикского Ду-

шителя, как биография Захера-Мазоха, дневники маркиза де Сада, протоколы секты флагелланов из Пирпинакта, книга Мурмуропулоса "Кол в мировой истории". Был там и оригинальнейший "Малый пытариум" Янека Пидвы и его "Удушение, усекновение и сожигание — материалы по пыткографии", и единственные в своем роде "Пытошные блюда из кипящего масла", предсмертное творение О. Гальвинари из Амагонии. Все это, разумеется, в переводах. В этих роковых контейнерах находились также расшифрованные на каменных плитах протоколы заседаний секции каннибалов союза неандертальских писателей и "Размышления виселичные", принадлежащие маркизу де Крампфуссу; если я еще добавлю, что в них нашлось место для таких произведений, как "Идеальное убийство", "Тайна черного трупа" и "Азбука преступления" Агаты Кристи, то вы, господа, легко можете представить себе, какое страшное воздействие оказало все перечисленное на девственную личность Калькулятора.

Мы ведь стараемся по мере сил держать электронный мозг в неведении относительно этих отвратительных качеств человека. Ныне же, когда окрестности Проциона населяет железное потомство машины, напичканной историей

человеческих вырождении, извращений и преступлений, я вынужден с сожалением заявить, что электронная психиатрия в данном случае абсолютно бессильна. Больше мне нечего сказать.

Среди общего глухого молчания надломленный, разбитый старец неверными шагами покинул кафедру.

Я поднял руку. Председательствующий удивленно взглянул на меня, но почти тотчас дал мне слово.

— Господа! — сказал я, вставая. — Дело, как я вижу, серьезное. Значение его я сумел должным образом оценить, только выслушав проникновенные слова профессора Гаргаррага. Хочу сделать уважаемому собранию предложение. Я готов — один! — отправиться в район Проциона, чтобы разобраться в том, что там происходит, раскрыть тайну исчезновения тысяч наших людей и приложить все усилия для мирного разрешения назревающего конфликта. Я отчетливо сознаю, что эта задача труднее всего, с чем я до сих пор сталкивался, но есть мгновенья, когда надлежит действовать, не думая ни о риске, ни о шансах на успех. Посему, господа…

Мои слова потонули в буре рукоплесканий. Умолчу о том, что происходило затем, — это

слишком похоже было на массовую овацию в мою честь. Комиссия и собрание наделили меня всеми возможными полномочиями. На следующее утро я беседовал с руководителем отдела Проциона (он же шеф космической разведки) советником Малинграутом.

— Итак, вы хотите отправиться сегодня же? — сказал он. — Отлично. Разумеется, не в вашей ракете, Тихий. Это исключено. В подобных случаях мы используем специальные ракеты.

— Зачем? — спросил я. — Меня вполне устраивает моя собственная.

— О, я не сомневаюсь в ее отличных качествах, — ответил он, — но проблема маскировки… Вы отправитесь в ракете, внешне похожей на что угодно, только не на ракету. В данном случае мы используем… Впрочем, увидите сами. Ну, далее, вы должны, разумеется, высаживаться ночью…

— Как это ночью? — сказал я. — Выхлопной огонь немедленно меня выдаст.

— До сих пор мы поступали именно так… — явно обеспокоенный, сказал он.

— Ладно, разберусь на месте, — сказал я. — Мне самому тоже придется маскироваться?

— Это необходимо. Наши эксперты займутся вами. Они уже ждут. Прошу вас сюда…

Секретным коридором меня провели в комнату, напоминавшую небольшой операционный зал. Тут за меня взялись сразу четверо. Час спустя, когда меня поставили перед зеркалом, я сам себя не узнал. Закованный в жесть квадратные плечи, прямоугольная голова, стеклянные линзы вместо глаз, — я выглядел, как обычнейший робот.

— Пан Тихий, — обратился ко мне шеф маскировщиков, — запомните несколько важных правил. Во первых, вы не должны дышать

— Да вы с ума сошли! — возмутился я — Как это? Я ж задохнусь!

— Вы не поняли. Разумеется, дышите себе на здоровье, только тихо. Глубокие вдохи, сопение исключаются, все бесшумно, и не дай вам бог чихнуть. Тогда вам конец.

— Ясно, что еще? — спросил я.

— На дорогу получите годовые комплекты "Электронного курьера" и листка оппозиции "Глас вакуума".

— Так у них есть и оппозиция?

— Есть, но возглавляет ее тоже Калькулятор Профессор Млассграк предполагает, что у него кроме электрического, еще и политическое раздвоение личности Далее, ничего не жевать, конфет не грызть. Есть будете только по ночам

— сквозь это отверстие, вот здесь. Как только вставите ключик, клапан приоткроется (это вертхеймовский замок), смотрите, вот так. Ключик не потеряйте — умрете голодной смертью.

— Правда, роботы ведь не едят.

— Мы вообще не очень-то знаем, как они там живут, сами понимаете. Вы посмотрите всякие мелкие объявления в их газетах, это вам кое в чем поможет. И вот еще что: когда будете говорить с кем-нибудь, ради бога держитесь подальше, чтобы нельзя было заглянуть к вам внутрь через сетку динамика. Лучше всего постоянно чрните себе зубы. Вот тюбик с хной. И не забывайте демонстративно промасливать себе по утрам шарниры — роботы так делают. Но не переусердствуйте — если будете немного поскрипывать в суставах, это только к лучшему. Ну вот, как будто все, более-менее. Э, куда вы? В таком виде на улицу? Да вы спятили! Сюда, тайным ходом, прошу…

Он нажал на одну из книг в шкафу, часть стены сдвинулась, и я, грохоча, спустился по узенькой лестнице во двор, где стоял грузовой вертолет. Меня погрузили и машина поднялась в воздух. Час спустя мы опустились на тайном космодроме. Здесь, на бетоне, подле обычных ракет, высился,

подобно башне, округлый хлебный амбар.

— Это ракета? Побойтесь бога! — сказал я сопровождающему меня тайному офицеру.

— Именно так Все, что вам может понадобиться — шифры, коды, передатчик, газеты, продовольствие, всякие мелочи, — уже внутри. Кроме того — большой ломик.

— Ломик?

— Ну, ломик, которым вскрывают сейфы… вместо оружия, на крайний случай, конечно. Ну, ни пуха — любезно пожелал офицер. Я не мог даже руку ему пожать как следует — моя была втиснута в стальную рукавицу. Я повернулся и через дверь вошел в амбар. Внутри он оказался обычнейшей ракетой. Меня так и подмывало выбраться из своей стальной коробки, но это было запрещено — специалисты объяснили, что лучше будет, если я привыкну к этой тяжести.

Я запустил реактор, стартовал и вышел на курс, потом не без труда пообедал — приходилось дьявольски выворачивать шею, и все равно рот не совмещался с клапаном, пришлось помогать обувной ложкой Потом я завалился в гамак и принялся за газеты роботов. На первых же страницах мне бросились в глаза странные заголовки:

Причисление Электриция к лику святых.

Слизнячьим поползновениям вражьим предел положим.

Тумультум на стадиуме.

Слизняк в оковах.

Словарь и грамматика сначала было изумили меня, но я тут же вспомнил слова профессора Гаргаррага о словарях архаичного языка, которые некогда вез на своем борту "Божидар". Я уже знал, что слизняками роботы называют людей. Самих себя они величали благородцами. Я взялся за последнюю статью, ту, что про слизняка в оковах.

"Двоица алебардщиков Его Индуктивности застигла на третьей страже слизняка-шпика, каковой прибежища искал в постоялом дворе благор. Мремрана. Будучи верным слугой Его Индуктивности, благор. Мремран мигом городскую алебардирню уведомил, вслед за чем вражий лазутчик, с забралом для поношения открытым, выкриками ненавистными черни провожаем, в темницу Калефаусгрум ввергнут был. Каузой сей юриор II Семперетиции Туртран занялся".

Неплохо для начала, подумал я и обратился к статье под названием "Тумультум на стадиуме"

"Созерцатели турнира грендзельного готовы были уже в смятении поле покинуть, когда Гирлай III, грендзель Туртукуру передавая, ограж-

дение насквозь пробульдозил, вследствие чего фрактура голени его от игры отвратила Но об заклад побившиеся, видя выигрыши свои утраченными, к кассе ринулись, тингулум кассовый штурмом взяли, тингулятора прежестоко помяв. Патруль алебардирни пригородной восьмерых смутьянов, камнями их обвешав, в фоссу покидал. Когда же конец треволнениям оным настанет, кветливые спекуляторы покорнейше начальство вопрошают?"

Словарь разъяснил мне, что "кветливый" означает "спокойный" от "quietas", "quietatis" — "покой", а "грендзельня" — нечто вроде стадиона, на котором роботы играют в свою разновидность футбола. Мячом им служит литой свинцовый шар. Я продолжал упорно штудировать газеты, ведь перед отлетом мне усердно вбивали в голову, что нужно вжиться в обычаи и нравы благородцев, — даже мысленно я уже так выражался, потому что назвать их роботами было бы не только оскорблением, но и саморазоблачением. Так я прочитал одну за другой статьи "Установления на предмет благородцев совершенного благоденствия", "Аудиенция магистра Грегатуриана", "Перегринации благородцев ради ламп охлаждения" Еще удивительней были объ-

явления, многие из них я вообще едва понимал:

"АРМЕЛАДОРА VI РЕЗЧИК ЗНАМЕНИТЫЙ одеяний очищением, отверстий клепанием, шарниров перфекцией, а также ин экстермис, тариффа низзка".

"ВОНАКС, средство против ржавления, ржавчины, ржавочек, ржавинок, ржы такоже — повсеместно приобрести можешь".

"ОЛЕУМ ПУРИССИМУМ ПРО КАПИТЕ — дабы те выя мыслить скрыпом не мешала".

Другие я вообще не мог понять. Такие, например:

"Сладострастные! Туловища шутейные в довольстве. Размеры всякие. С поручательством — гвоздение на месте. Тармодрала VIII".

"Найму кубикулум панкраторный с амфигнейсом. Перкаратора XXV".

Были и такие, от которых у меня под стальным шлемом волосы вставали дыбом:

"Бордель Гоморреум двери с сего дня растворяет! По вкусу ластен селекция доселе небывалая. Чада слизнячьи, живность в помещении и на вынос!!!"

Я ломал себе голову над этими загадочными текстами, а времени у меня было достаточно, благо путешествие предстояло длиною почти в год.

В "Гласе вакуума" объявлений было еще больше.

"Ламигнатницы, тесаки, клещи кадычные, колья острые, дубины уважительные сыщешь у Гремонториуса, Фидрикакс LVI".

"Пироманьяки! Новых, горным маслом умащенных факелов Абракерделя ничто не угасит!!!"

"Удушителю-любителю мальцы слизнячьи, плаксивые, говорящие, в убранстве, такоже устроение для ногтей вырывания, малость пользованное, уступлю по дешевке".

"Господа и дамы благородные! Гастроколы, хребтомуки, очевертелы поступили!!! Каркаруана XI".

Досыта начитавшись этих объявлений, я начал, как мне казалось, догадываться, какая судьба постигла отряды высланных на разведку добровольцев Второго Отдела. Нельзя сказать, чтобы я опускался на планету в особенно хорошем настроении. Посадку я совершил ночью, предварительно заглушив насколько было возможно двигатели. Опустившись среди гор, я после некоторого раздумья замаскировал ракету наломанными ветками. Спецы из Второго не отличались особой сообразительностью — хлебный амбар на планете роботов был по меньшей

мере неуместен. Загрузив внутрь своей железной коробки максимальное количество припасов, я двинулся к городу, видимому издалека благодаря зареву электрических огней, стоявшему над ним. Пришлось несколько раз останавливаться, чтобы поправить разболтавшиеся банки сардинок — они отчаянно грохотали во мне. Не успел я сделать и нескольких шагов, как что-то невидимое будто подсекло мне ноги. Я рухнул со страшным грохотом. Молнией сверкнула мысль:

"Уже? Так скоро?" Но вокруг не было ни одной живой… то бишь электрической души. На всякий случай я извлек свое оружие, ломик, любимое орудие взломщиков — и небольшую отвертку. Шаря руками на ощупь, я убедился, что сплошь окружен железными обломками. То были останки прежних автоматов — их заброшенное кладбище. Я пошел через него, то и дело спотыкаясь и не переставая дивиться его размерам — оно тянулось не меньше чем на милю. Внезапно в глубокой темноте, которую не могло рассеять отдаленное зарево, замаячили две четвероногие тени. Я застыл. В инструкциях моих не было ни слова о существовании каких-либо животных на планете. Еще две четвероногие тени бесшумно скользнули к первым двум. Неосторожное

движение, звякнули латы — и темные силуэты стремительно унеслись в ночь.

После этого я удвоил осторожность. Для того чтобы войти в город, время казалось мне не очень подходящим: глухая ночь, пустые улицы — мое появление привлекло бы нежелательное внимание. Я залег в придорожной канаве и стал терпеливо дожидаться, пока рассветет. Всю ночь я грыз бисквиты, зная, что до следующей ночи поживиться уже будет нечем.

Чуть светало, когда я вошел в пригород. Вокруг никого. На ближайшем заборе висел огромный, явно старый, поблекший от дождей плакат. Я подошел поближе.

"ОПОВЕЩЕНИЕ

Властям градским ведомо, како ничтожество слизнячье силится в ряды правоверных благородцев втереться. Кто слизняка либо индивидуума, подозрениям повод дающего, узрит, в алебардирню свою донесть должен. Сговор всякий с оным либо помощь ему содеянна, развинчением ин саэкула саэкулорум наказана будет. За слизняка премия 1000 ферклосов с главы устанавливается".

Я побрел дальше. Предместье выглядело уныло. Подле убогих, наполовину съеденных ржавчи-

ной бараков сидели группки роботов, игравших в чет-нечет. Время от времени среди играющих вспыхивали ссоры, сопровождавшиеся таким грохотом, словно артиллерийский огонь накрыл склад железных бочек. Чуть дальше я набрел на остановку городского трамвая. Подошел почти пустой вагон, я сел. Рука мотористa была намертво прикована к рукоятке, туловище составляло неотъемлемую часть мотора. Кондуктор, прикрепленный ко входу болтами, служил дверью, поворачиваясь на шарнирах вперед-назад. В центре я сошел и снова побрел куда глаза глядят, словно так и положено. Все чаще попадались навстречу алебардисты, парами и тройками бредущие серединой улиц. Увидев прислоненную к стене алебарду, я будто невзначай подхватил ее и двинулся дальше. Абсолютное сходство роботов друг с другом оказалось тут как нельзя кстати. Оба моих товарища продолжали идти молча. Потом один из них заговорил:

— Скоро ль жалованье узрим, Бребране! Тошно мне все, с электрицею достойно бы поиграл.

— Окстись, — ответил второй, — ужли те кондиция не соответствует?

RESTORANTS

Так мы обошли весь центр. По дороге нас остановил офицер и крикнул:

— Реферназор!

— Брентакурдвиум! — рявкнули мои спутники. Я постарался запомнить пароль и отзыв. Офицер оглядел нас спереди и сзади и велел повыше поднять алебарды.

— Како носите, разини! Истинно, печки железные, не Его Индуктивности алебардисты! Равняйсь! Нога в ногу! Марш!

Разнос этот алебардисты приняли без единого слова. Мы брели под отвесными лучами солнца, и я проклинал ту минуту, когда добровольно согласился отправиться на эту мерзкую планету. Вдобавок голод начал сводить мне кишки. Я даже боялся, чтобы урчание в животе не

выдало меня, и старался скрипеть как можно громче. Мы шли мимо ресторана. Я заглянул. Столики почти все были заняты. Благородцы, или, как я начал мысленно величать их по примеру офицера, железные печки, сидели недвижно, отливая синевой вороненых лат, время от времени кто-нибудь, скрежеща, поворачивал шлем, чтобы стеклянными бельмами взглянуть на улицу. К тому же они ничего не ели, не пили, а все словно ожидали неведомо чего.

— Может, и нам присесть? — спросил я, ощущая каждый пузырек на своих сожженных стальными подошвами ногах.

— Истинно обасурманился! — возмутились мои спутники — Восседать нам не ведено! Ходьба приказом положена! Не тревожься, ужо оные угодят слизняку фортелем, когда, заявившись да похлебки истребовав, он естество свое вражье объявит.

Ни черта не понимая, я послушно поплелся дальше Злость разбирала меня все сильнее, но тут мы направились к огромному строению из красного кирпича, на котором виднелась надпись коваными железными буквами:

КАЗАРМЫ
АЛЕБАРДИСТОВ
ЕГО ПРЕСВЕТЛЕЙШЕЙ ИНДУКТИВНОСТИ КАЛЬКУЛЯТРИЦИЯ ПЕРВОГО

Я смылся у самого входа. Бросил алебарду около часового, когда он с хрустом и лязгом отвернулся, и нырнул в соседнюю улицу.

Группа роботов неподалеку играла в крестики-нолики, я остановился рядом, проверяясь, что отчаянно "болею". Я ведь совершенно еще не знал, чем занимаются благородцы. Конечно, можно было снова втереться в ряды алебарди-

стов, но многого это не обещало, а риск попасться был изрядный. Что делать?

Так вот мучительно размышляя, я шел куда ноги несли, как вдруг увидел приземистого робота, который сидел на скамейке, укрыв голову газетой, видимо, грел на солнышке старые гайки. Газета открывалась на стихотворении, начинавшемся словами:

"Я извращенец вырожденец..." Что там было дальше — не знаю. Исподволь завязался разговор. Я представился как приезжий из соседнего города, Садомазии. Старый робот был необыкновенно сердечен. Сразу же пригласил меня к себе, в свой дом.

— И чего тебе, твое благородие, по всенедостойным постоялым дворам толкаться да с корчмарями знаться! Изволь ко мне. Радости вступят со твоею персоною в скромный мой домишко.

Что было делать — я согласился, это меня даже устраивало. Мой новый хозяин проживал в собственном доме, на третьей улице. Он сразу же провел меня в гостиную.

— Понеже с дороги, пыли паки и паки наглотаться должен был, — сказал он.

Появились масленка, солидол и тряпки.

— Естество очистив, соизволь в залу взойти, —

сказал он, — сыграем исполу…

И прикрыл дверь. Масленку и солидол я трогать не стал, проверил только в зеркале, как выглядит моя маскировка, подчернил зубы и собирался уже спуститься вниз, как вдруг из глубины дома донесся протяжный грохот. По лестнице я спускался в сопровождении такого шума, словно кто-то в щепы разносил железную колоду. В зале стоял визг. Мой хозяин, раздевшись до железно гокорпуса, размахивая каким-то странным тесаком, разрубал лежавшую на столе большую куклу.

— Добро пожаловать, милостивец, — сказал он, увидев меня и переставая рубить — Утехи ради соизволь, господине достойный, позабавляться с оным туловом. — И он указал на вторую, лежавшую на полу, немного меньшую куклу. Когда я приблизился к ней, она приподнялась, открыла глаза и слабым голосом начала повторять:

— Милостивец, я дитятко невинное, оставь меня, милостивец, я дитятко невинное, оставь меня…

Хозяин вручил мне топор, похожий на секиру, но на короткой рукоятке:

— Гей, гостюшка дорогой, прочь тоску, прочь печаль — руби от уха, да смело!

— Не гневись токмо… я детей не люблю… — сла-

бо произнес я.

Он застыл.

— Не любишь? — сказал он. — А жаль. Огорчил ты меня, ваша милость. Как же быть? Одних токмо младенцев держу — то слабость моя, понимаешь? А не хочешь ли телка малого?

И он вывел из шкафа пластмассового теленка, тревожно замычавшего под нажимом руки. Что было делать? Боясь разоблачения, я разрубил несчастную куклу, изрядно при этом намахавшись. Хозяин тем временем четвертовал обе свои куклы, отложил топор, который он называл ламигнатницей, и спросил, доволен ли я. Я заверил его, что давно уже не испытывал подобного удовольствия.

Так началась моя невеселая жизнь на Ворекалии. Утром, позавтракав кипящим маслом, хозяин отправлялся на работу, а хозяйка что-то упоенно распиливала в спальне — кажется, телят, хотя поручиться не могу. Мычание, визг и шум выгоняли меня на улицу. Занятия жителей были довольно однообразны. Четвертование, колесование, сожжение, рассечение… Через несколько дней я уже на собственный перочинный ножик не мог смотреть. Мучительный голод гнал меня за город, где в кустах я торопливо поглощал

сардинки и бисквиты. Не удивительно, что при такой диете я все время был на волосок от икоты, угрожавшей мне смертельной опасностью.

От скуки я копался в домашней библиотеке хозяев, но и в ней не было ничего интересного: несколько унылых перепечаток дневника маркиза де Сада и, кроме них, одни лишь брошюрки вроде "Опознания слизняков". Я запомнил несколько абзацев из нее. "Слизняк, — гласило начало, — консистенцией подобен пирогу... Зеницы мутные, водянистые, понеже зерцалом паскудства душевного являются... Обличьем резиноватые..." — и так далее, без малого на ста страницах.

По субботам появлялась в доме местная знать — мастер латного цеха, помощник городского оружейника, старший цеховой, два протократа, один архимуртан — к несчастью, я никак не мог понять, что это за звания, потому что речь шла в основном об изящных искусствах, о театре, об отменном функционировании Его Индуктивности. Дамы потихоньку сплетничали. От них я узнал об известном в высших сферах распутнике и моте, некоем Подуксте, который вел разгульную жизнь — окружил себя роем электронных вакханок, буквально осыпая их драгоценнейшими катуш-

ками и лампами. На хозяина моего упоминание о Подуксте не произвело большого впечатления.

— Молодая сталь, молодой накал, — добродушно изрек он. — Позаржавеет, подшипники разболтаются, а там и опорная труба обмякнет…

Некая благородка, довольно редко бывавшая у нас, по непонятным причинам заприметила меня и однажды после очередного кубка с маслом шепнула:

— Надобен ты мне. Хочешь меня? Улепетнем ко мне, дома по-электризуемся…

Я сделал вид, что внезапное искрение катода помешало мне расслышать ее слова.

Хозяева мои вообще-то жили в согласии, лишь однажды я невольно стал свидетелем ссоры; супруга визжала, желая ему в лом обратиться, он отлчивался, как мужьям и положено.

Захаживал к нам известный электроспец, руководивший городской клиникой, и от него-то я узнал, что роботы, бывает, сходят с ума, а самым опасным из преследующих их наваждений является убеждение, что они люди. В последнее время — я догадался об этом из его слов, хотя он этого прямо не сказал, число подобных безумцев значительно возросло.

Эти сведения я, однако, не передавал на Землю,

они, во-первых, казались мне слишком скупыми, а во-вторых, мне не хотелось брести по холмам к своей далеко оставленной ракете, где был передатчик.

Однажды утром, едва лишь я прикончил своего теленка (хозяева каждый день доставляли мне по штуке, полагая, очевидно, что не могут доставить мне большего удовольствия), раздался невероятный стук в ворота. Мои опасения подтвердились. То была полиция, то есть алебардисты. Меня арестовали, молча вытолкнули на улицу на глазах у окаменевших от ужаса хозяев, здесь заковали, бросили в машину и повезли в тюрьму. У ворот тюрьмы уже собралась враждебно настроенная толпа. Меня заперли в одиночке. Едва лишь дверь камеры захлопнулась за мной, я свалился с громким вздохом на железную скамью. Теперь уж вздохи мне повредить не могли. Сначала я пытался припомнить, в скольких тюрьмах я сиживал в самых разных закоулках Галактики, но мне так и не удалось сосчитать. Под скамьей лежала брошюрка о распознании слизняков. Неужто ее подбросили для издевки, из низкого злорадства? Я нехотя листнул ее. Сначала шло о том, что верхняя часть туловища слизняка шевелится в связи с так называемым дыханием, потом

о том, как проверять, не будет ли протянутая рука на ощупь "тестовата" и не исходит ли из ротового отверстия "легкий ветерок". В возбуждении слизняк выделяет из тела водянистую жидкость, в основном лбом. Так заканчивался раздел.

Описание было довольно точным. Я выделял эту водянистую жидкость. На первый взгляд исследование космоса представляется несколько однообразным словно какой-то обязательный этап, сопровождают его упомянутые выше бесконечные отсидки — планетарные, звездные, даже галактические... Но никогда еще мое положение не было столь беспросветным. Около полудня стражник принес миску теплого тавота, в котором плавало несколько шариков от подшипников. Я попросил чего-нибудь несъедобнее, раз уж меня разоблачили; он, заскрежетав иронически, вышел, не говоря ни слова. Под вечер, когда я уже прикончил последние крошки бисквита, случайно завалявшегося внутри панциря, в дверном замке заскрежетал ключ, и в камеру вошел пузатый робот с толстым кожаным портфелем.

— Будь проклят, слизняк! — сказал он и добавил: — Я должен тебя защищать.

— И ты всегда так приветствуешь своих клиен-

тов? — спросил я, садясь.

Он тоже сел, дребезжа. Отвратительное зрелище! Жесть на брюхе совершенно разъехалась.

— Слизняков — всенепременно, — убежденно сказал он. — Токмо из лояльности к моей профессии — не к тебе, слизь окаянная! — искусство свое употреблю в твою защиту, тварь! Быть может, удастся смягчить ожидающую тебя кару и добиться, чтобы тебя сразу же разобрали на части.

— То есть как это? — поразился я. — Меня же нельзя разобрать!

— Ха-ха-ха! — заскрежетал он. — Это тебе лишь мнится. А теперь говори, что за пазухой таил, клейкая каналья!

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Клаустрон Фридрак.

— Скажи мне, Клаустрон Фридрак, в чем меня обвиняют?

— В слизнячестве, — тотчас ответил он. — Надлежит за то высшая мера. К тому ж возжелал ты предать нас, на корысть Слизи шпионил, на Его Индуктивность руку подъять намеревался — хватит с тебя, дерьмо слизнячье? Признаешь вину свою?

— Точно ли ты мой защитник? — спросил я. — Говоришь как прокурор или следователь.

— Я твой защитник.

— Отлично. Не признаю себя ни в чем виновным.

— Стружку с тебя снимем! — зарычал он.

Поняв, какой мне достался защитник, я умолк. Наутро меня отвели на допрос. Я ни в чем не сознался, хотя судья гремел еще ужасней — если это было возможно, — чем вчерашний адвокат. Он то рычал, то шептал, то взрывался жестяным смехом, то хладнокровно вдалбливал в меня, что скорее он начнет дышать, нежели я избегну благородной справедливости. На следующем допросе присутствовал какой-то важный чиновник — судя по количеству ламп, тлевших в нем. Прошло еще четыре дня. Хуже всего дело обстояло с едой. Я довольствовался брючным ремнем, размачивая его в воде, которую мне приносили раз в сутки, — стражник нес при этом горшок возможно дальше от себя, словно это был яд.

Через неделю ремень кончился, но, к счастью, на мне были высокие шнурованные ботинки из козлиной кожи — их языки оказались лучше всего, что я ел за все время заключения.

На восьмой день утром двое стражников приказали мне собираться. Меня снова швырнули в машину и под охраной перевезли в Железный

Дворец, резиденцию Калькулятора. По великолепной нержавеющей лестнице, сквозь залы, выложенные катодными лампами, меня провели в большую комнату без окон. Стражники вышли — я остался один. Посреди комнаты свисала с потолка черная завеса, ее складки окружали четырехугольником центральную часть зала.

— Слизняк ничтожнейший! — загрохотал голос, доносившийся словно по трубам из глубокого подземелья. — Последний твой час пробил. Ответствуй, что тебе любо: четвертование, ламигнат или сверловина?

Я молчал. Калькулятор загудел, зашумел и заговорил снова:

— Внемли, липкое создание, по наущению Слизи деявшее! Внемли гласу моему мощному, студень чавкающий, слизь киселеватая! По благородию токов моих светлейших милостью тя осияю: ежели встанешь в ряды верных слуг моих, ежели всей душой своей подлой благородцем стать пожелаешь — я, может быть, дарую тебе жизнь.

Я сказал, что именно это издавна было сокровенным моим желанием. Калькулятор задребезжал издевательски пульсирующим смехом и вновь загремел:

— Лжа твоя в сказках токмо лишь пребывать достойна. Внемли, падаль. Липкую свою бренность уберечь можешь токмо яко благородец — алебардист тайный. Надлежит тебе слизняков — шпиков, агентов, изменников, такоже иное отребье, Слизью насылаемое, обличать, раскрывать, забрала сдирать, железом каленым выжигать, и токмо оным услуженьем упастись можешь.

После моего торжественного заверения проделывать все указанное меня вывели в другую комнату, где занесли в список, наказав ежедневно докладываться в главной алебардии, и, обалдевшего, на ватных ногах, вытолкнули из дворца.

Смеркалось. Я вышел за город, опустился на траву и погрузился в раздумья. Тяжко было на душе. Если бы меня обезглавили, я сохранил бы по крайней мере честь и достоинство, но теперь, перейдя на сторону этого электронного чудовища, я предал дело, которому служил, уничтожил все свои шансы. Что мне еще оставалось теперь? Бежать к ракете? Какое постыдное бегство! И все-таки я пошел. Доля шпика на услужении машины, повелевающей полчищами железных коробок, была еще постыдней.

Но каково же было мое потрясение, когда вме-

сто ракеты, на том месте, где я ее оставил, я увидел одни лишь ее разбитые останки, разбросанные какими-то машинами.

Когда я возвратился в город, было уже совсем темно. Я присел на камень и первый раз в жизни заплакал от тоски по утраченной Земле, а слезы текли по железному нутру пустого пугала, которому отныне до смерти суждено было стать моей тюрьмой, и вытекали в прорези наколенников, грозя ржавчиной и неподвижностью суставов. Но что мне теперь была ржавчина!

Внезапно на фоне узкой полоски заката я увидел отряд алебардистов, медленно движущийся к пригородным полям. Двигались они как-то странно. Вечерний сумрак сгущался, и в расползавшейся темноте то один, то другой поодиночке выбегали из строя, стараясь ступать как можно тише, и исчезали в кустах. Все это показалось мне таким странным, что я, все еще безмерно угнетенный, встал и шагнул вслед за ближайшим алебардистом.

Нужно добавить, это было время, когда на пригородных лугах созревали дикие ягоды, на вкус похожие на малину — сладкие и необыкновенно вкусные. Я сам объедался ими всякий раз, когда мне удавалось вырваться из стального

города. Можно ли передать мое изумление, когда я увидел, что выслеживаемый мною алебардист достает маленький ключик, точь-в- точь такой же, какой мне вручили во Втором Отделе, открывает забрало и, обеими руками обрывая ягоды, словно обезумевший, набивает ими разинутый рот. Даже до меня доносилось торопливое, голодное чавканье.

— Эй! — пронзительно зашипел я. — Эй, ты, послушай!

Он громадным прыжком метнулся в кусты, но не побежал — было бы слышно. Просто припал к земле.

— Эй, ты, — еще тише сказал я, — не бойся. Я человек. Человек. Я тоже переодетый.

Что-то похожее на одинокий, пылающий подозрительностью и страхом глаз уставилось на меня из-за листьев.

— Откуда знать мне, не испытуешь ли? — прозвучал чуть охрипший голос.

— Да я ж тебе говорю — не бойся. Я с Земли. Меня сюда специально послали.

Мне пришлось изрядно его убеждать, прежде чем он успокоился настолько, что вылез из кустов. В темноте я почувствовал прикосновение к латам.

— Человек. Яко же уверовати?

— Почему ты так странно говоришь? — спросил я.

— Ибо запамятовал. Пятое лето число, с тех пор как фатум жесточайший вверг мя в юдоль тутошнюю… маеты претерпел неизреченные… истинно фортуна благая дозволила слизняка пред смертью узрить… — бормотал он.

— Опомнись! Перестань! Слушай, ты не из Второго?

— Истинно, из Второго. Малинграутом сюда слан, на мученичество жесточайшее…

— Почему же ты не вернулся?

— Како же бежать — ракета моя в негодность приведена и до винтиков разобрана. Брате, не можно мне более тут сидеть. В казарму пора… Свидимся ли? Утресь к алебардьерни объявись… Объявишься?

Пришлось обещать ему, и мы распрощались — я даже не знал, как он выглядит. Он попросил меня выждать немного на месте и исчез в ночной темноте. Я вернулся в город приободренный, мне уже рисовались реальные шансы организации подполья. Чтобы подкрепиться, я зашел в первую попавшуюся харчевню и там же заночевал.

Утром, разглядывая себя в зеркале, я увидел на

груди, пониже левого наплечника, крохотный меловой крестик. Словно шоры упали с моих глаз. Этот человек хотел предать меня — и обозначил крестом! "Мерзавец!" — повторял я про себя, лихорадочно соображая, что же теперь делать. Я стер поцелуй Иуды, но это показалось мне недостаточным. Он уже, наверно, и рапорт подал, подумал я. Начнут теперь искать этого неизвестного слизняка, заглянут наверняка в свои списки, первый удар падет, конечно, на самых подозрительных, а я ведь был там, в этих списках. При мысли о новом допросе я задрожал. Я понял, что должен как-то отвести от себя подозрение, и быстро нашел способ сделать это. Весь день я просидел в трактире, для маскировки четвертуя телят, а в сумерках выбрался в город, зажав в кулаке кусок мела.

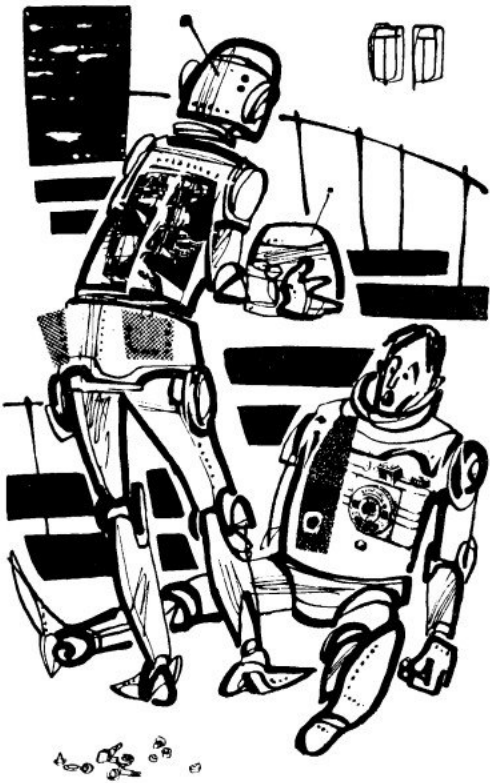
Этим обломком я понаставлял почти 400 крестиков на латах прохожих — кто ни шел мимо, я всех метил. Около полуночи, немного успокоившись, вернулся на постоялый двор и только тут вспомнил, что, кроме того Иуды, с которым я говорил прошлой ночью, и другие алебардисты в кусты попрятались. Об этом стоило подумать. И тут меня осенила поразительно простая идея. Я снова вышел за город, в ягодник. Около полу-

ночи вновь появился железный отряд, медленно рассыпался, разбрелся, и только из окружающих кустов доносилось торопливое сопенье и чавканье лихорадочно жующих ртов, потом защелкали замыкаемые забрала, и вся братия безмолвно повылезала из кустов, набив животы. Я приблизился, в темноте меня приняли за одного из своих; маршируя, я мелом расставлял на своих соседях кружочки где попало, а у ворот алебардьерни сделал поворот кругом и отправился в свою харчевню.

Назавтра я расположился на лавочке перед казармами, ожидая, пока выйдут отпущенные в город. Отыскав в толпе одного из тех, с кружком на лопатке, я пошел за ним, а когда мы остались одни на улице, ударил его рукавицей по плечу — так, что он весь зазвенел, — и сказал:

— Именем Его Индуктивности! Следуй за мной! Он перепугался так, что весь залязгал от страха. Не говоря ни слова, покорно, тихоней поплелся он за мной. Замкнув дверь комнаты, я вынул из кармана отвертку и принялся отвертывать ему голову Это заняло у меня около часа. Я приподнял ее, словно железный горшок, и глазам моим предстала отвратительно бледная от долгого пребывания в темноте, тощая физиономия с ис-

пуганно вытаращенными глазами.



— Слизняк! — рявкнул я.

— Так точно, ваша милость, но…

— Что но?

— Но я же… зарегистрирован… Его Индуктивности на верность присягал…

— Давно? Говори!

— Третьего… третьего лета… ваша милость. За что, за что вы меня?..

— Постой, — сказал я. — А других слизняков знаешь?

— На Земле? Знаю, как же, ваша милость, милости взыскую…

— Не на Земле, обалдуй, тут!

— Не, где уж там, можно ли! Едва лишь узрю, бегом донесу, ваша ми…

— Хватит! — прервал я — Можешь идти. Голову сам себе прикрути.

Я сунул ему в горсть все болты и гайки и вытолкал вон. Слышно было, как он трясущимися руками накладывает шлем — я присел на кровать, изрядно всем этим пораженный. Всю следующую неделю я был завален работой, так как брал на улице первых встречных, заводил в трактир и откручивал головы. Предчувствие меня не обмануло: все, ну поголовно все были людьми! Я не обнаружил среди них ни единого робота! Посте-

пенно в уме моем возникла апокалипсическая картина...

О дьявол, электронный дьявол — этот Калькулятор! Какой ад вызрел в его раскаленных проводниках! На подмокшей, ревматической планете климат был для роботов в высшей степени нездоровый, они должны были ржаветь массами, может быть, с годами все больше сказывалось отсутствие запасных частей, роботы начинали выходить из строя, один за другим отправлялись на обширное пригородное кладбище, где только ветер погребально звякал над ними листами ржавеющего железа. Тогда-то, видя, как тают их ряды, видя угрозу своей власти, и придумал Калькулятор свой гениальный маневр. Из врагов, из подсылаемых на его погибель шпиков, начал творить свою армию, своих агентов, свой народ! Никто из разоблаченных не мог изменить — никто не отваживался на контакт с другими, потому что не знал, что они не роботы, а даже если б узнал об одном или другом, то боялся, что при первой же попытке контакта тот выдаст его — как пытался это сделать первый переодетый алебардьером человек, которого я случайно подстерег в ягоднике. Калькулятор не удовлетворялся нейтрализацией врагов — он

делал каждого воинствующим защитником своего дела, а понуждая выдавать других, вновь присланных людей, демонстрировал лишний раз свою дьявольскую хитрость, ибо кто же лучше сумеет отличить их от роботов, если не сами люди, знавшие пружины и механизмы всех планов Второго Отдела?

И вот каждый человек, разоблаченный, вписанный в реестр, связанный присягой, ощущал себя совершенно одиноким и, может быть, боялся себе подобных даже больше, чем роботов, — ведь роботы могли и не быть агентами тайной полиции, люди же были ими все до единого. И вот так электронный монстр держал нас в рабстве, угрожая всем — всеми. Ведь это же мои собственные друзья по несчастью разбили мою ракету, как поступили со многими ракетами.

"Ад, адово отродье!" — думал я, дрожа от ярости. Мало того, что он вынуждал к измене, мало того, что Отдел сам все больше присылал людей в его распоряжение, но для него их еще одевали на Земле в наилучшие, нержавеющие латы высшего качества! Были ли еще хоть какие-нибудь роботы в этих закованных в сталь шеренгах? Я серьезно сомневался в этом. Теперь для меня стало понятным усердие, с которым они преследовали людей.

Сами ими будучи, они — неофиты благородничества — должны были притворяться еще более роботами, чем роботы доподлинные. Вот источник той лютой ненависти, которую обрушил на меня мой адвокат. Вот причина мерзкой попытки выдать меня, предпринятой тем человеком, которого я разоблачил первым. О, что за дьявольщина катушек и схем, что за электрическая стратегия!

Раскрытие тайны не могло бы ничем помочь; по приказу Калькулятора меня, несомненно, швырнули бы в подземелье — слишком долго покорность сковывала людей, слишком уж долго они изображали послушание и преданность этому электрифицированному Вельзевулу, они ведь даже говорить по-людски разучились.

Что делать? Прокрасться во дворец? Безумный риск. Но что еще оставалось? Противоестественная картина — город, окруженный кладбищами, на которых, обратясь в ржавую пыль, покоятся рати Калькулятора, а сам он продолжает править, еще более сильный, чем когда-либо, уверенный в себе, ибо Земля присылает ему все новую и новую замену, — чертовщина! Чем дольше я размышлял, тем яснее понимал, что даже это открытие, которое, несомненно, до меня должен был уже совершить не один из нас, даже оно ни в малейшей

мере не меняло положения. В одиночку я ничего не мог сделать, необходимо было поделиться с кем-нибудь, довериться, а это влекло за собой немедленную измену; предатель, разумеется, рассчитывал на отличие, на то, что войдет в особую милость к машине. "Клянусь святым Электричием, — думал я, — он гениум несомненный..." И, думая так, заметил, что и я уже чуть-чуть архаизирую слог и грамматику, что и мною овладевает зараза, что мне начинает казаться естественным вид железных истуканов, а человеческое лицо — чем-то постыдно обнаженным, отвратительным, неприличным... слизнячьим. "Боже, я схожу с ума, — подумал я, — а другие наверняка давно уже спятили. Спасите!"

Проведя ночь в унылых размышлениях, я наутро отравился в магазин в центре, за 30 ферклосов купил самый острый тесак, какой можно было достать, и, дождавшись наступления темноты, пробрался в огромный сад, окружавший дворец Калькулятора. Тут, укрывшись в кустах, я с помощью отвертки и клещей освободился от своего стального панциря и босиком, на цыпочках, бесшумно взобрался по водосточной трубе на второй этаж. Окно было открыто. По коридору, гулко дребезжа, прохаживался стражник. Когда

он повернулся ко мне спиной, дойдя до конца коридора, я прыгнул внутрь, быстро подбежал к ближайшей двери и тихонько скользнул в нее — он меня даже не заметил.

Это был тот самый большой зал, где я слышал голос Калькулятора. Зал был погружен в темноту. Я раздвинул черную завесу и увидел огромную, вздымающуюся к потолку панель Калькулятора, усеянную светящимися, как глаза, экранами. Сбоку виднелась светлая щель. Какая-то неплотно притворенная дверь. На цыпочках я приблизился к ней и затаил дыхание.

Нутро Калькулятора похоже было на небольшой номер дешевой гостиницы. У стены стоял небольшой полуоткрытый несгораемый шкаф, из замка свисала связка ключей. За столиком, заваленным бумагами, сидел пожилой, сухонький человечек в сером одеянии, в оттопырившихся бухгалтерских нарукавниках и писал, страницу за страницей, заполняя печатные формуляры. На столике подле его локтя парил стакан чаю. На тарелочке лежало несколько ломтиков кекса.

Я вошел на цыпочках, закрывая за собою дверь. Она не скрипнула.

— Эй! — сказал я, поднимая тесак обеими руками. Человечек вздрогнул и взглянул на меня;

отблеск стали в моих руках поверг его в неописуемый ужас. Лицо его исказилось, он упал на колени.

— Не-е-ет! — забормотал он. — Не-е-ет!

— Если крикнешь — помрешь зазря, — сказал я. — Кто ты?

— Ге… гептагониус Аргюссон, ваша милость.

— Никакая я тебе не милость. Называй меня "пан Тихий", понял?

— Так точно! Да! Да!

— Где Калькулятор?

— Па… пан…

— Никакого Калькулятора нет, да?!

— Так точно! Мне так приказали!

— Отлично! Кто приказал, разреши узнать?

Он дрожал всем телом. Умоляюще вскинул руки.

— Это может привести к несчастью, — застонал он. — Сжальтесь! Не вынуждайте меня, ваша ми… простите! пан Тихий! Я… я всего лишь служащий шестой группы снабжения…

— Ах, вот как! А Калькулятор? А роботы?

— Пан Тихий, пощадите! Все скажу! Это наш шеф. Это он все придумал. Нужны были кредиты — расширение деятельности, большая… э… оперативность… чтобы проверить наших людей…

но самое главное кредиты…

— Так это было подделано? Все?

— Не знаю! Клянусь! С тех пор как я здесь, ничего не менялось, пан, не думайте, что это я тут правлю, сохрани бог! Я обязан заполнять личные дела. Шеф хотел узнать, не сдадут ли… наши люди перед лицом врага, в критической обстановке… готовы ли они на смерть.

— Почему же никто не вернулся на Землю?

— Потому… потому, что все предали, пан Тихий, до сих пор еще ни один не согласился пойти на смерть за дело Сли… тьфу, я хотел сказать — за наше дело, это я по привычке, поймите меня, я здесь уже одиннадцать лет сижу, мне через год на пенсию, у меня жена, ребенок, пан Тихий, умоляю…

— Заткнись! — гневно выкрикнул я. — Пенсия тебе снится, мерзавец, я тебе покажу пенсию!

Я замахнулся. У него глаза выкатились из орбит, он на коленях пополз к моим ногам.

Я приказал ему встать. Убедившись, что в несгораемом шкафу есть крохотное зарешеченное отверстие, я запер его в шкаф.

— И чтоб ни гугу! Не пробуй тут стучать и ломиться, каналья, не то ламигнатница!

Остальное было уже просто. Ночь выдалась

не из легких: я листал бумаги, то были анкеты, рапорты, отчеты, на каждого жителя планеты заведено было личное дело. Под утро я постелил себе на столе сверхтайную корреспонденцию, потому что спать было не на чем. Проснувшись, включил микрофон и именем Калькулятора приказал, чтобы все население собралось на дворцовой площади. Каждый обязан был принести с собой клещи и отвертку. Когда все они расположились, подобно гигантским кованым шахматным фигурам, я отдал следующий приказ — откручивать друг другу головы в честь святого Электриция. Около одиннадцати часов начали появляться первые человеческие головы, возникло смятение и хаос, раздались крики- "Измена! Измена!" — но несколько минут спустя, когда последний стальной колпак с лязгом упал наземь, эти крики перешли в единый радостный рев. Тогда я появился в настоящем своем виде и предложил взяться под моим руководством за дело — я намеревался из местных материалов и сырья соорудить большой корабль. Но оказалось, что в подземельях дворца спрятано огромное количество космических ракет с полным запасом горючего, готовых к полету. Перед стартом я выпустил Аргюссона из сейфа, но не взял его на

борт и никому не позволил. Я сказал, что уведомлю обо всем его шефа, причем выскажу ему, по возможности исчерпывающе, что я о нем думаю.

Так кончилось одно из необычайнейших моих приключений и путешествий. Невзирая на все беды и муки, которое оно на меня навлекло, я был даже рад такому обороту дела — ведь ко мне вернулась разрушенная было этими космическими жуликами прежняя вера во врожденную добропорядочность электронных мозгов. Как приятно все-таки сознавать, что только человек способен быть прохвостом!

перевод Е. Вайсброта и Р. Нудельмана.